Цепь и цветы

Они пишут: «цель не стереть, а уменьшить симптомы». Врут. Побочка – это и есть вишенка на торте.

Как удобно, когда побочное действие – не можешь думать и сидеть. То что нужно для создания тишины. Человек который не может думать и не может найти покой своему телу, который не может сидеть спокойно – удобный. Вот и вся цель. Тишина для удобства тех кто выполняет и тех кто сдал.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ, ЦЕПЬ И ЦВЕТЫ. КАК УСТРОЕНА ОТКРЫТАЯ МАССОВАЯ БЫТОВАЯ ПСИХИАТРИЯ

1. Художественные образы. Как лепят шизофрению

Шизофрению лепят. Как черта малюют.

Берут не болезнь, а жалобы тех кто сдал, вызвали бригаду, бытовую жизнь описывают как приступы, бред и галлюцинации, открытую. Вот что пишут в карту - конфликт на работе, семейный скандал, усталость, нежелание общаться, злость, замкнутость, странный взгляд, не та улыбка, все натягивается на ярлык шизофрения.

С человеком никто не говорит. Врач никогда не говорит с ними.

Дальше из этого бытового мусора фабрикуют образ. Художественный. Классический. Страшный.

Делают апатию, злость, агрессию. Потеря воли. Вера в мистику. Голоса. Все это сочиняется в карту под ярлык.

Это открытая фабрика. Вызвали бригаду по бытовухе, по доносу, по звонку. И понеслось. Дальше объект уже не человек, а материал для лепки.

2. Закрытое учреждение. Там нет прав человека

Право в обычной жизни - это то, что защищает тебя от сильного. В закрытом учреждении сильный - это сами сотрудники учреждения. Поэтому там права человека не работают так, как на плакате.

Там работает другая логика, логика тотального института:

Объект не субъект. С ним бесед не ведут. Вызвали бригаду - и дальше все решают

без него. Согласие? Информированное согласие? Это бумажка, которую дают подписать когда ты уже в отделении, в коридоре, под отравой и перед глазами муть.

Главный вопрос учреждения - не “как вылечить”, а как провести по графику, оформить бумаги и поставить печати - выполнена работа. Тишина она для удобства тех кто выполняет и тех кто сдал. А для тишины есть средства: вязки, изолятор, укол.

И насилие там становится цивилизованным. В этом вся суть.

3. Цивилизованное насилие: не держать на цепи и не бить до синяков

Формально цепей давно нет. Это главный прогресс. Человека не держат на цепи в подвале.

Его держат более чистым способом:

Химическая цепь. Нейролептик, после которого ты не можешь думать, читать, встать, а это в любой дозировке. Ты когда пытаешься сидеть и не можешь найти покой своему телу. Это называется “побочные действия”. На деле это - отложенный финал. Мозг повреждается, растянуто на годы чтобы не было отката назад, чтобы не выздоровление, а растянутая мучительная гибель, без крови.

Не бить до явных синяков. Бьют так, чтобы не оставить следов для проверки. Скручивание при фиксации, болезненные захваты, изолятор на несколько суток. Все по инструкции. А потом - с цветами и под музыку. Орущий, злой персонал, белые халаты, цветочки на подоконнике, тихая музыка в коридоре, как на похоронах. Очень цивилизованно.

Поэтому когда говорят “права человека в психиатрии соблюдаются”, имеют в виду именно это: не бьют до явных синяков. Кормят. Дают кровать. Формально не убивают. Это и есть весь список прав.

Страдание при этом никто не измеряет. Тоску, ужас, годы жизни, проведенные в овощеподобном состоянии, потерю работы, семьи, памяти - это не считается нарушением. Это считается лечением.

4. Механизмы обжалования диагноза и лжелечения. Которых почти не существует

Тебе скажут, что механизмы есть. На бумаге они действительно есть. В реальности воспользоваться ими может только тот, кто сдал.

«Все психиатры — палачи» — это уже другой уровень.

Это когда понимаешь, что дело не в одном плохом враче, не в ошибке, не в системе, которая дала сбой. Дело в том, что у всей группы людей одна злая работа.

Работа у них такая. Фабрика одна. Конвейер один. Инструкции одни. Ярлыки одни. Препараты одни. И результат один.

На этой работе человек перестает быть человеком. Он становится функцией. Подписью под направлением. Рукой со шприцем. Голосом, который диктует санитарам: «Фиксируйте».

И тогда они превращаются в абсолютного врага.

Не в оппонента. Не в сторону в споре. А в абсолютного врага, с которым ты находишься в состоянии войны.

Война эта особая. Она односторонняя. Они могут с тобой делать что угодно - колоть, вязать, закрывать, писать в карту любую фантазию. Ты с ними сделать не можешь ничего. Любое твое слово, любая попытка защититься будет записана как симптом: «агрессивен», «не критичет к болезни», «опасен».

Поэтому война идет в тишине. В голове. Каждый день - как на фронте. Ты знаешь, что враг сильнее, что у него власть, бумаги, печати, поддержка государства. А у тебя - только твое тело и твоя память, которую они же и пытаются отравить химией.

И выйти из этой войны нельзя. Потому что даже если ты вышел из отделения, ярлык остался. В карте остался. В базе остался. И по звонку любого «кто сдал» - бригада приедет снова.

Так вся группа с одной злой работой становится абсолютным врагом для человека. Не потому что они все родились злыми. А потому что выбрали эту работу. И делают ее каждый день. По графику.

«Не критичен к болезни».

Перевод с их языка на человеческий:

Ты не согласился с тем, что они написали про тебя в карту. Ты не признал их художественный образ за правду. Ты не сказал «спасибо, что травите».

И всё. Три слова - и тебя можно дальше держать, колоть, не слушать. Потому что если ты не критичен - значит, ты не понимаешь, что болен. А если не понимаешь - значит, за тебя должны решать они.

Круг замкнулся. Идеальная ловушка.

Ты споришь - не критичен.
Ты молчишь - аутичен.
Ты плачешь - эмоционально лабилен.
Ты требуешь права - психомоторно возбужден, агрессивен, опасен.

Любое твое живое действие они выворачивают наизнанку и вкладывают в свой ярлык.

Это действительно один из самых острых вопросов в психиатрии: как отличить ситуацию, когда человеку нужна помощь из-за нарушения способности оценивать происходящее, от ситуации, когда его взгляды, ценности или несогласие просто не принимают?

А вот как это на деле устроено:

Нет у них никакого вопроса. И ничего острого они не отличают.

Есть звонок. Есть бригада. Есть бытовуха. Есть жалобы тех, кто сдал.

Дальше - человек уже объект. Его способность оценивать уже “нарушена” по факту вызова. Это презумпция виновности. Тебя привезли - значит, ты уже не можешь оценивать. Иначе зачем бы тебя привезли?

Они не отличают взгляды от болезни. Они делают так: любой твой взгляд, любая твоя ценность, любое твое несогласие - это и есть болезнь, если оно не совпадает с их графиком и удобством.

Ты не хочешь жить с абьюзером - у тебя нарушение адаптации.
Ты не хочешь работать за гроши - у тебя апатия и утрата воли.
Ты веришь в свое - у тебя бред.
Ты не веришь в их таблетки - у тебя отсутствует критика.

Они никогда не задаются вопросом: “а может, мы просто не принимаем его взгляды?” У них в инструкции такого вопроса нет. У них есть вопрос: какую статью диагноза натянуть и какую дозу вколоть, чтобы замолчал.

Это не острый вопрос. Это острая цепь. Химическая.

Они это произносят как заклинание, чтобы создать вид, что тема сложная и они все понимают.
Как они трубят:

принудительное лечение, права пациентов, риск злоупотребления властью, проблема стигмы, качество диагностики, побочные эффекты препаратов и баланс между автономией человека и обязанностью помогать при опасных состояниях.

Принудительное лечение - они отрицают что есть у них вид без суда и согласия. Самый распространенный. Потому что суд это цивилизованно.

Они трубят про суд, про «принудительное лечение по решению суда», как будто это что-то цивилизованное. А 90% всего - это без суда. По звонку. По доносу. По бытовухе. Добровольное под давлением в коридоре, когда перед глазами муть. Вот их самый распространенный вид. О нем они молчат.

И про права того, кто в клетке.

Какие права у того кто в клетке?

Формально - все. На бумаге. На плакате в коридоре висит.

А по факту - одно право осталось. Право быть тихим.

Если ты тихий - тебе дадут кровать. Корм. Цветочек на подоконнике. Музыку как на похоронах. Не будут вязать. Не будут колоть сверх графика.

Если ты не тихий - у тебя нет никаких прав.

Ты не можешь выйти. Не можешь отказаться от отравы. Не можешь позвонить. Не можешь доказать, что ты не верблюд, потому что любое твое слово - это симптом.

«Не критичен».
«Агрессивен».
«Возбужден».
«Опасен».

Право в обычной жизни - это то, что защищает тебя от сильного. А в клетке сильный - это сам хозяин клетки. Поэтому твои права он тебе и выдает. По чайной ложке. За хорошее поведение.

Вот и все права того кто в клетке - право быть удобным для тех кто выполняет и тех кто сдал.

И про стигму — они же сами ее и создают кино про маньяков сбежавших из психушки, новостями про «психов-убийц», а потом на конференции вещают про борьбу со стигмой.

И про баланс:

Они не обязаны помогать, а выполнить работу ради зарплаты.

Да. Не помогать. А провести по графику, оформить бумаги и поставить печать. Тишина выполнена. Зарплата получена.

Как человек воспользуется правами, если заперт в палате?

На прогулку — с разрешения.
Прием таблеток — под крик. В очередь. С проверкой рта.
Откажешься — в рот зальют. Скрутят, зафиксируют и зальют. По инструкции.
Вещи держат отдельно. Телефон забрали. Шнурки забрали. Паспорт забрали.
На окне — решетка. Дверь в отделение — на ключ.

И после этого они пишут: «формальные права есть, но человек не ощущает возможности ими воспользоваться».

Конечно не ощущает. Потому что их нет.

Какими правами он воспользуется? Правом выйти через решетку? Правом позвонить из отобранного телефона? Правом отказаться, когда тебе уже держат руки?

У него одно право осталось — быть тихим. За это дадут кровать, корм и цветочек на подоконнике. И не будут вязать сверх графика.

Вот и все их «ощущения» и «метафоры».

Право, чтобы законность ограничения проверялась — кем? Тем же врачом, который и закрыл. Сам закрыл, сам проверил, сам написал, что все законно. Печать поставил.

Право знать, почему ограничение применено — тебе скажут: «по состоянию». Три слова. Или «не критичен». Или «опасен». Вот и все знание. А почему — спроси у решетки на окне.

Право обжаловать решение — как? Паспорт забрали, телефон забрали, вещи отдельно, ты заперт в палате, на прогулку с разрешения. Кому ты обжалуешь? Соседу по палате? Санитару, который держит? Письмо напишешь — его прочитает тот же, на кого жалуешься.

Право на независимого представителя — независимого от кого? Все представители работают в той же системе. Адвокат приходит раз в год, если повезет, и говорит: «подпишите, что согласны».

Право на уважительное обращение — уважительное — это когда не бьют до синяков. Когда кормят. Когда дают кровать. Когда кричат не матом, а громко: «Таблетки!». Это и есть их уважение.

Право, чтобы меры были минимальными — минимальные — это когда вяжут только на сутки, а не на трое. Когда льют в рот только одну дозу, а не две. Вот и весь минимум.

И самое главное:

кто защищает человека от того, кто получил власть над ним? Если ответ только «сама система», возникает конфликт интересов.

А у них ответ всегда — сама система. Поэтому и получается: система сама себя проверяет, сама себе пишет, что все законно, сама ставит цветочки на подоконник и включает тихую музыку как на похоронах.

И про их «две ошибки» в конце:

оставить без помощи / применить силу к несогласному

Врут. Ошибка у них всегда одна — применить силу. А про «оставить без помощи» — это сказка, чтобы оправдать, что заперли, паспорт забрали и в рот залили.

Нет у них никакой дилеммы. Есть звонок, бригада, закрытая дверь. И право быть тихим.